

РОМАН КУБОВ

Иногда
прошлое
стоит больше,
чем будущее...

РЕСТАВРАЦИЯ

ЛЮБОВЬ. ТАЙНЫ. ДОМ,
КОТОРЫЙ НЕЛЬЗЯ ПОТЕРЯТЬ.

Роман Кубов

Реставрация

«Автор»

2026

Кубов Р.

Реставрация / Р. Кубов — «Автор», 2026

Вера Арсеньева - реставратор. Семь лет она в одиночку возвращает к жизни старый особняк, единственный музей в городе, и знает в нём каждый шов. Но фонд, которому принадлежит здание, запускает независимый аудит и замораживает все контракты. Аудитором, который приезжает в особняк, оказывается Марк Волков - мужчина, которого Вера любила восемь лет назад и который исчез после того, как она увидела его у стенда со сносом этого самого дома. У Веры шесть недель, чтобы отстоять дом, и она собирается защищаться цифрами и фактами. Вот только Марк знает особняк лучше, чем должен бы по документам, а между ними осталось несказанное. Зачем он на самом деле ушёл восемь лет назад и почему все эти годы дом тихо жил на чужие деньги? Цельная история на один вечер - о втором шансе и тайне прошлого.

© Кубов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Синий зал	5
Глава 2. Аудитор	8
Глава 3. Правила доступа	11
Глава 4. Задвижка	13
Глава 5. Цифры	16
Глава 6. Липа во дворе	18
Глава 7. Защита	20
Глава 8. Резное солнце	22
Глава 9. Подпись	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Реставрация

Глава 1. Синий зал

Лак сходил плёнкой, тонкой, как кожица с печёного яблока, и я дышала через раз, чтобы не сорвать лишнего. Ватная палочка катилась по пробному квадрату медленно, растворитель пах цитрусом поверх скипидара, и синий под рукой проступал такой чистый, будто его наложили вчера, а не сто двадцать лет назад.

- Не спеши, - сказал Аркадий Ильич у меня за спиной. Он всегда подходил бесшумно, в войлочных подошвах, и говорил так же, как ходил.

- Я не спешу. Я считаю.

- Считать можно и быстрее, - согласился он. - Что насчитала?

- Два поздних слоя. Верхний - кисть, валик, дешёвый лак, я бы сказала, семидесятые. Под ним запись, аккуратная, по грунту, рука уверенная.

- Кто писал?

- Тот, кто знал, что делает, - сказала я. - Это и обидно. Плохую запись снять легко: она сама отходит, ей стыдно. Хорошая держится.

Аркадий Ильич хмыкнул. Он стоял в своём вечном сером кардигане, заложив руки за спину, и смотрел на панно так, как смотрят на больного, который идёт на поправку: без восторга, с уважением к процессу. Синий зал был его залом сорок лет, и я иногда думала, что Аркадий Ильич различает здешние сквозняки по именам.

- Покажешь границу?

Я навела свет вдоль края пробного квадрата. Под косым лучом стало видно, где кончается родной синий и начинается чужой: граница шла ровно, с лёгким утолщением, как шрам.

- Вот здесь. Видите, валик взял на себя угол, а кисть до угла не дошла. Значит, писали второпях.

- Второпях пишут те, кому не нужно, чтобы смотрели, - сказал Аркадий Ильич. - Хорошая примета для тебя. Снимешь чисто.

- Я бы не назвала это приметой.

- А как бы ты назвала?

- Планом работ, - сказала я.

Он усмехнулся и ушёл к описи, а я осталась с квадратом синего и с ощущением, что день начался правильно. Правильно - это когда руки знают, что делать, раньше головы. В Синем зале у меня всегда так. Я пришла в этот дом семь лет назад ассистенткой с одним законченным расчисточным швом на счету, а теперь у меня была первая сольная реставрация целого дома. Я говорила себе, что не привязываюсь к вещам. Вещам это безразлично.

Дина вошла в зал без предупреждения, как входят только администраторы и пожар: в пальто, с сумкой через плечо, и лицо у неё было такое, что я заранее отложила палочку.

- Вера, - сказала Дина. - У меня письмо.

- Письма бывают разные. Бывают с приглашением на конференцию.

- Это не про конференцию. Это из фонда.

Фонд "Липа" был владельцем дома. С фондом мы общались по переписке: счета, акты, годовые отчёты, вежливые письма за подписью исполнительного директора, которого никто никогда не видел. Живых людей фонд не присылал.

- Читай, - сказала я.

Дина развернула планшет и прочитала вслух:

- "Уведомление. В связи с изменением структуры активов фонда проводится независимый аудит объектов. Просим обеспечить доступ аудитора ко всем помещениям, фондам, доку-

ментации и финансовым отчётам. На период аудита действие трудовых контрактов персонала приостанавливается до завершения проверки". Дата - вчера. Подпись - исполнительный директор.

- Приостанавливается, - повторила я.

- Это значит, что с первого числа мы не получаем зарплату. Это значит буквально это, Вера. Я им позвонила. Они сказали: формулировка стандартная, аудит короткий, не о чем беспокоиться.

- Кто сказал?

- Голос. У них там всегда голос.

Я вытерла руки. Медленно, по одному пальцу, потому что когда я вытираю руки медленно, я думаю, а не говорю. Приостановка контрактов до завершения проверки. Проверка короткая. Значит, нас выставляют за дверь на время и решают, впускать ли обратно. Так делают не с музеем, который собираются развивать. Так делают с имуществом, которое готовят к передаче.

- Аркадий Ильич, - позвала я.

Он подошёл, прочитал планшет, стоя, и вернул.

- Красивый бланк, - сказал он. - В мое время такие письма писали на машинке, и от этого они были честнее.

- Что нам делать?

- Работать, - сказал Аркадий Ильич. - Реставратор не спорит с вещью. Он её слушает.

- А если слушать нечего? Если нас всех слушать перестанут?

- Тогда надо сделать так, чтобы было что, - сказал он и ушёл к своей описи.

Дина смотрела на меня. У Дины было лицо человека, который уже придумал три плохих сценария и усилием воли держит их за дверью.

- Скажи что-нибудь злючее, - попросила она. - Мне станет легче.

- Злючее будет позже. Сначала скажу деловое. Аудитор приедет на этой неделе, такие письма не рассылают на дальнюю перспективу. Значит, у нас есть несколько дней.

- На что?

- На то, чтобы он вошёл в дом, который невозможно закрыть.

Дина моргнула.

- Вера.

- У нас три тысячи посетителей за сезон, из них четыреста - школьные группы, это я считаю по журналам, а не по кассе, потому что половина проходит по партнёрским билетам. У нас двадцать шесть заявок от школ на зиму. У нас договор с художественным училищем на практику. У нас экскурсионная программа, которую я написала сама и которую водят два человека, включая тебя.

- Я вожу плохо.

- Ты водишь так, что дети потом рисуют дом дома. Это лучше, чем хорошо.

- И что ты хочешь с этим сделать?

- Портфель, - сказала я. - Папку, которую можно положить перед любым человеком в костюме, и он поймёт, что закрывать здесь нечего, потому что здесь всё живое. Цифры, письма партнёров, программа, фотографии, сметы. Три дня.

- Ты собираешься защищаться папкой?

- Я собираюсь защищаться всем, что у нас есть. Папка - это то, что у нас есть, собранное в одно место.

Дина медленно выдохнула. Сценарии за дверью её головы, кажется, перестали ломиться.

- Три дня, - сказала она. - Хорошо. Я достаю письма партнёров и журналы. Ты делаешь цифры и программу. Аркадий Ильич делает вид, что всё это ниже его достоинства, и делает опись, без которой мы как без рук.

- Почему ты решила, что я сделаю вид? - спросил Аркадий Ильич, не оборачиваясь.
- Потому что вы её уже делаете, - сказала Дина.

Он промолчал, и это было согласие.

Вечером, когда они ушли, я прошлась по Синему залу одна - проверить окна и термометры. Зал был длинный, с высоким окном на запад, и вечерний свет лежал на полу косой плитой. У камина я остановилась: обшивка над каминной полкой. Я замечала это место с лета и всё откладывала посмотреть: шов. Обшивка здесь была моложе, чем должна была быть, - доска другого лака, другой пригонки, и шла она на полмиллиметра глубже набора, будто под ней что-то не помещалось. Летом я записала это в паспорт как послевоенную заплатку. Теперь я провела по шву ногтем и подумала, что в этом доме каждая заплатка - чей-то ответ, и не все ответы прочитаны.

За окном темнело. Липы во дворе стояли голые, и самая большая из них, у ворот, качала ветками на ветру, как машет рукой человек, который не уверен, что его видят. Я её сажала. Я это помню лучше, чем сессию того курса: мёрзлая земля, лопата, которая не слушалась, и чьи-то руки поверх моих на черенке. Я погасила свет в зале и сказала себе, что это не имеет отношения к портфелю.

Портфель я начала в тот же вечер и закончила список к полуночи. Внизу списка была строка, которую я не записала, но подумала честно: аудитор - это человек, а люди закрывают то, чего не понимают. Значит, я должна сделать наш дом понятным за три дня.

Я встречу его цифрами. Дом встретит его сам.

Глава 2. Аудитор

Дождь начался ночью и к утру стал тем самым балтийским дождём, который не идёт, а стоит: висит в воздухе мелкой водяной пылью, и в нём всё выглядит нарисованным акварелью по сырому. Я пришла в дом за час до открытия, проверила термометры, проверила папку - папка была готова, плотная, с разделителями, - и поймала себя на том, что расставила её на столе три раза, потому что каждый раз мне не нравился угол.

- Ты её сейчас протрёшь до дыр, - сказала Дина. Она стояла в дверях с двумя стаканами чая. - Пей. Успокоительное.

- В чае нет успокоительного.

- В этом есть. Я туда мёд положила. Это и есть успокоительное.

Я выпила половину. Мёд был липовый, и я подумала, что у Дины всё на свете липовое: чай, варенье, и даже дерево во дворе, мимо которого я ходила семь лет и которое посадила студенткой, в мёрзлую землю, лопатой, которая не слушалась. Дерево это было выше дома, и каждый октябрь я здоровалась с ним первой, потому что оно было здесь старше всех, кроме Аркадия Ильича.

- Во сколько он? - спросила я.

- Письмо было без времени. Сказали: в течение дня. Вера, может, я тоже посижу?

- Ты нужна на кассе. Группа в одиннадцать.

- Группа может подождать.

- Группа не может ждать, группа состоит из восьмилетних людей, - сказала я. - Иди. Я справлюсь.

Справлюсь. Хорошее слово. Я всю жизнь справлялась, и слово это означало: сделай лицо, которое ничего не просит, и делай дело. Я поставила папку на стол в четвёртый раз, уже не трогая угол, и пошла в Синий зал - проверить, как за ночь повёл себя пробный квадрат. Синий за ночь не повёл себя никак, он был спокоен, как и положено цвету, который пережил всех, кто его выбирал.

Ровно в десять в дверь позвонили. Не в служебную, а в главную, как посетители. Дина, которая пошла открывать, вернулась через минуту и сделала лицо, которым администраторы сообщают о протечке крыши: профессионально и одновременно очень лично.

- К тебе, - сказала она. - Аудитор.

Я вышла в холл.

Сначала я увидела серый шарф. Шарф был мокрый от дождя, повязанный небрежно, узлом назад, как повязывают люди, которым всё равно, куда падает кончик. Потом я увидела человека в шарфе, и у меня не осталось ни одной мысли, кроме одной: восемь лет - это не срок. Восемь лет - это дистанция, на которой можно перепутать человека с кем угодно, кроме него.

Марк Волков стоял в нашем холле и смотрел на меня так, как смотрят на работу, которую давно откладывали. Он почти не изменился, и это было хуже всего: изменившихся людей можно заново узнавать, а он был тот же, только старше на восемь лет, и эти годы лежали в нём ровно, как лак на старой доске.

- Здравствуй, Вера, - сказал он.

У него был тихий голос. В комнате с ним всегда становилось так, что его тихий голос было слышно лучше громких. Я это помнила. Я очень много всего помнила, и первым делом я приказала себе это прекратить.

- Добрый день, - сказала я. - Вы аудитор фонда?

- Да. Марк Волков.

- Я знаю, как вас зовут. Я Вера Арсеньева, реставратор и руководитель работ. Пойдёмте, я покажу вам дом, и мы обсудим регламент доступа.

Я повернулась первая. Это тоже было из старых привычек: кто поворачивается первым, тот ведёт. Я услышала, как Дина за моей спиной сказала что-то неслышное, наверное, своё любимое "ну всё", и повела Марка по первому этажу.

- Здесь входная группа и касса, - говорила я. - Дальше Малый зал, у нас там лекции и детские занятия. Синий зал - главная экспозиция и моя основная площадка. Домовая лестница ведёт на второй этаж, там фонды и служебные помещения. Чердак холодный, в подвале инженерия. Послеаварийная замена труб была в сентябре, акт я приложила в папку.

- Ты всё помнишь по актам?

- Это моя работа.

- Я не про акты. Ты ведёшь экскурсию, как вела восемь лет назад, только тогда ты рассказывала про цвет, а теперь про трубы.

- Восемь лет назад я была студенткой на практике. Теперь я отвечаю за дом.

- Вижу, - сказал он, и мне показалось, что он имел в виду не дом, но переспрашивать я не стала.

Мы остановились у Синего зала. Я открыла дверь и пропустила его вперёд, потому что так положено, и потому что мне было важно видеть, как он войдёт. Марк вошёл медленно. Он не стал обводить зал взглядом, как делают люди в новых местах, он смотрел сразу на панно, на пробный квадрат, на край, где кончался родной синий и начиналась чужая запись, и я поняла, что он его видит: границу видит не всякий, а он её видел.

- Что вы будете проверять? - спросила я.

- Всё. Помещения, фонды, договоры, кассовую дисциплину, заявки, сметы. Мне нужна ваша папка и полный доступ в течение недели.

- Доступ будет по графику. Фонды - только в моём присутствии. Касса и документы - при Дине. Это правило дома, оно старше нас обоих.

Он посмотрел на меня. В этом взгляде было что-то очень знакомое, какая-то его старая манера не отвечать сразу, а как бы взвешивать ответ на руке.

- Хорошо, - сказал он. - По графику.

Так просто. Я ждала спора, потому что аудиторы любят полноту власти, а он взял и согласился, и это сбilo меня, как сбивает ступенька, которой не ждёшь.

Дина пришла за мной через двадцать минут, когда мы стояли над сметой зимней программы.

- Вера, телефон. Школа номер двенадцать, они не понимают про декабрьские группы.

Я пошла к трубке. Школа номер двенадцать хотела три группы вместо двух и спрашивала, можно ли с мастер-классом, я сказала, что можно, записала даты, и пока я говорила, у меня внутри шёл другой разговор, короткий и злой: спокойнее, он просто аудитор, работа есть работа, восемь лет - это дистанция, а не срок. Когда я вернулась, Марк стоял у окна и говорил по телефону, прикрыв трубку ладонью, и на столе лежала его папка, открытая.

Я бы не посмотрела. Я правда не собиралась смотреть. Но папка лежала ко мне углом, а я прошла мимо дважды, и на втором круге глаз сам зацепился за бланк. Бланк фонда. Протокол заседания правления. Дата - двадцать девятое сентября. Я не хотела читать, но прочитала первое, что было написано крупно: "Согласовать отчуждение объекта недвижимости". Ниже, мельче: срок - до тридцатого ноября. И ещё ниже, в таблице кадров: контракты персонала не продлевать.

Двадцать девятое сентября. Письмо об аудите было от первого октября. Он приехал сегодня, восьмого.

Марк закончил разговор и повернулся. Папку он закрыл сам, спокойно, как закрывают то, что не прячут, а просто носят с собой.

- Извини, что оставил. Правление, - сказал он. - Просят отчёт каждый вечер.

- У нас красивый дом, - сказала я. - Вам будет что писать.

Я улыбнулась, и улыбка получилась хорошая, рабочая. Внутри у меня всё было уже пересчитано, как пересчитывают смету, в которой нашли чужую цифру. Продажа согласована до аудита. Контракты решены до проверки. Значит, аудит ничего не решает, значит, всё это - бумага для порядка, и неделю он будет ходить по дому, который уже подписан в чужие руки, и смотреть на моё панно глазами человека, который смотрит на стену будущего ремонта.

Я проводила его до двери. На пороге он остановился.

- Вера.

- Да?

- Дом в хорошем состоянии. Это видно сразу.

- Я знаю, - сказала я.

Дверь за ним закрылась. Дождь стоял над двором мелкой пылью, липы у ворот были голые и тёмные, и я стояла и думала, что знаю теперь две вещи. Первая: этот дом продают. Вторая: я не скажу ему, что знаю, потому что человек, который пришёл оформлять конец, не должен видеть, что конец уже виден из окна. Я буду молчать и работать, и у меня есть папка, и у дома есть три недели, и этого, возможно, хватит.

А если не хватит, я хотя бы узнаю, зачем им понадобился аудит, когда всё уже решено.

Глава 3. Правила доступа

Утро я потратила на то, во что верю: на папку. Цифры легли в таблицы, таблицы - в графики, письма партнёров я отсканировала и разложила по датам, и к одиннадцати папка стала выглядеть так, как я хотела: не как жалоба, а как чертёж. У жалобы всегда дрожит голос. У чертежа - нет.

В одиннадцать пришёл Марк. Он снова позвонил в главную дверь, как посетитель, и я снова отметила это про себя: человек, который имеет полное право входить служебным ходом, входит через крыльцо.

- Добрый день, - сказал он. - Я за регламентом.

- Пойдёмте.

В кабинете Дины стояли три стула, и мы сели так, что стол оказался между нами, и я подумала, что это правильно: стол - это нейтральная полоса. Дина поставила перед нами воду и осталась у окна, хотя вода была не для неё.

- Я составила график доступа, - сказала я. - Понедельник и четверг - помещения, вторник - фонды при мне, среда - касса и договоры при Дине. Пятница - сводный день, вопросы и замечания письменно.

- А суббота?

- Суббота - это день, когда у нас школьные группы и дом работает на полную мощность.

В субботу вы посмотрите, как дом выглядит живым. Из зрительного зала.

- Я хотел бы и за кулисы.

- За кулисы у нас пускают после премьеры.

- А если премьера затягивается?

- Тогда зритель терпелив. У нас вон сколько терпеливых.

Дина у окна издала звук, который у неё означал смех, но я не обернулась. Марк смотрел на график так же, как вчера на границу записи: спокойно и внимательно, как смотрят то, что заслуживает смотреть.

- Хорошо, - сказал он.

- Вот так просто?

- Вера, я здесь не для того, чтобы с тобой воевать.

- А для чего?

Он помолчал. Я видела, как он выбирает слова, и вспомнила, что раньше это меня злило: я всегда думала, что паузы нужны ему, чтобы подбирать слова поудобнее. Теперь я подумала, что, может быть, он подбирал их поточнее. Разница небольшая, но от неё многое зависит.

- Для того, чтобы понять, можно ли этот дом сохранить, - сказал он наконец.

- Сохранить для кого?

- Это второй вопрос, - сказал он. - На первый я ответил.

Я записала в блокнот: доступ - по графику, согласовано. Рука у меня была ровная. Я гордилась этой ровностью всю неделю и собиралась гордиться ею дальше.

- У нас есть ещё одно условие, - сказала я. - Фотографии. Всё, что вы фотографируете в доме, остаётся в доме. Дом у нас не для каталогов.

- Договорились.

- Финансовая отчётность, - продолжала я. - Всё, что связано с фондом и домом, мы ведём через Дину. Акты, счета, договоры аренды подвального склада - всё в порядке, я проверила сама. Единственное, что у нас не в порядке, - это трубы, но это вы уже знаете из акта.

- Знаю. Аварийная замена в сентябре, двести шестьдесят тысяч, сверх сметы года.

Я подняла глаза. Сумму труб он назвал без бумажки.

- Вы быстро выучили наши цифры.

- Я выучил их до приезда. Это моя работа.
- Ваша работа - проверка. Цифры вы учите сверх работы.
- Проверка без цифр - это прогулка, - сказал он. - Я не гуляю.

Мы посмотрели друг на друга поверх стола. В кабинете Дины были часы, и они тикали так громко, как тикают только часы в маленьких кабинетах, когда в них сидят два человека, у которых есть общее прошлое и нет общего настоящего.

- Марк, - сказала я. - Мы взрослые люди. Я не буду спрашивать, зачем вы восемь лет назад стояли у стенда со сносом нашего дома, а вы не будете спрашивать, почему я не спрашиваю. Но я скажу одно: этот дом - работа семи лет, моя и не только моя. Если фонд решил его продать, пусть хотя бы имеет совесть сказать это в лицо, а не присылать человека с графиком.

- Я не говорил, что фонд решил его продать.
- Вы и не говорили, что не решил.

Тишина получилась длинной. Первым её нарушил стук в дверь: вошёл Аркадий Ильич с описью, положил её на стол и сел, хотя его никто не звал, и я поняла, что он всё слышал и что стул он придвинул заранее.

- Опись первого этажа, - сказал он. - Для вашего регламента. Я там пометил, что можно трогать, а что нельзя.

- Спасибо, Аркадий Ильич. Это Марк Волков, аудитор...

- Я знаю, кто это, - сказал Аркадий Ильич. - Это наш аудитор. Дом купили зимой, в декабре, когда липы стояли голые, и с тех пор я видел от фонда только письма. Теперь приехал живой человек. Посмотрим, что в нём живого.

Он сказал это без улыбки и без вызова, как говорят люди, которые давно научились называть вещи их именами. Марк принял опись и поблагодарил, и мне показалось, что слово "спасибо" он произнёс медленнее, чем произносят служебные слова.

- Красивый у вас дом, - сказал Марк ему. - Не по документам красивый. По-настоящему.
- Дом как дом, - сказал Аркадий Ильич. - Это люди в нём красивые. Некоторые.

Когда он ушёл, Марк собрал свои листы в стопку и выровнял её о стол, и движение это было такое знакомое, что у меня внутри что-то сдвинулось, как сдвигается ящик, который давно открываешь не за ту ручку. Он всегда так делал с бумагами. Некоторые вещи в людях не меняются даже за восемь лет, и не знаешь, радоваться этому или нет.

- График я подпишу, - сказал Марк. - И ещё одна просьба. Синий зал.
- Что Синий зал?
- Панно над камином. Резное. Оно ещё целое?

Я смотрела на него. Резное солнце над камином было закрыто копотью двух столетий и пылью последнего ремонта, и чтобы понять, целое оно или нет, нужно было знать, что там, под слоями. Я знала это, потому что делала пробный расчёт. В документах дома солнце значилось как "панно декоративное, состояние удовлетворительное".

- Почему вы спрашиваете про панно? - сказала я. - Его нет в вашей программе.
- Значит, добавь, - сказал Марк. - Я хочу, чтобы его посмотрели.

Глава 4. Задвижка

В понедельник по графику были служебные помещения, и я повела Марка тем маршрутом, которым вожу всех чужих: кладовые, сушилка, служебная лестница, подвал с инженерией. Чужим я называю людей, которые приходят в дом не работать. Внутренний список у меня простой: свои - те, кто знает, где лежат кисти, чужие - те, кого нужно водить.

- Здесь кладовая растворителей, - сказала я. - Дальше - материалы для расчистки. Всё под описью.

Кладовая была длинная и узкая, с полками до потолка и старым служебным шкафчиком у торцевой стены. Я отпирала замок и говорила про учёт, и в этот момент Марк протянул руку вдоль шкафчика, нажал куда-то в притолоку, и дверца открылась.

Не та дверца, которую отпирала я. Другая, маленькая, вровень со стеной, с утопленной задвижкой, о которой в этом доме знали, наверное, человека три.

- Здесь ниша для проб, - сказал он. - Удобно держать образцы отдельно от склада.

Я молчала. В техотчёте по дому, том самом, на который ссылались все бумаги фонда, этой ниши не было: я читала отчёт от корки до корки, когда принимала дом, и знала его почти наизусть. Ниша в отчёте не значилась. Я сама нашла задвижку на третьем году работы, случайно, когда ставила стремянку, и никому не сказала, потому что ниша была моя, маленькая, и в ней лежали мои пробные выкрасы.

- Откуда вы знаете про нишу? - спросила я.

- Из техотчёта.

- В техотчёте её нет.

Марк посмотрел на нишу, потом на меня. У него было лицо человека, который промахнулся на полшага и теперь решает, сказать об этом или пройти дальше.

- Возможно, я смотрел старый вариант отчёта, - сказал он.

- Возможно, - сказала я.

Мы пошли дальше. Служебная лестница скрипела, как ей положено, и я заметила, что Марк обходит третью ступень. Третью ступень в этом доме обходят только свои. Чужие по ней идут, потому что чужие не знают. Я записала это в блокнот, не словами, а значком: галочка и вопрос.

У площадки второго этажа я остановилась. Здесь, в простенке, висел кусок старой росписи, снятый мной со стены в прошлом году, - фрагмент с утраченной краской и вздувшимся грунтом, моя давняя головная боль. Я собиралась заняться им сегодня и уже разложила инструмент.

- Простите, - сказала я. - Это займёт полчаса. Если хотите, подождите внизу.

- Я посмотрю, - сказал Марк.

Я сняла фрагмент со стены и положила на стол. Грунт вздулся пузырьком, и пузырь этот надо было проклеить, медленно и нудно, шприцем, капля за каплей. Я набрала клей, сделала первый укол, и пузырь осел на миллиметр. За окном шёл дождь, в кладовой пахло смолой, и работа пошла та самая, в которой голова отдыхает, а руки думают.

Шприц кончился на середине. Я потянулась за вторым, и тут рядом со мной лёг на стол третий - полный, с подрезанным носиком, какой я всегда просила. Я подняла голову. Марк стоял у лотка с инструментом и смотрел не на меня, а на фрагмент.

- Подрезанный удобнее, - сказал он. - Вы раньше всегда просили подрезанный.

Раньше. Восемь лет назад была практика, мёрзлый сентябрь, и он приходил после работы смотреть, как я работаю, и таскал за мной ящик с инструментом, и я смеялась, что из него выйдет хороший ассистент. Я думала, что забыла это. Выяснилось, что я это помню вместе с точным весом ящика.

- Спасибо, - сказала я. - Вы хорошо помните чужие привычки.
- Не все.

Мы замолчали, и в тишине было слышно, как капля клея ложится под грунт. Я сделала ещё три укола и вдруг вспомнила, как в тот последний октябрь он стоял в этом же простенке, только тогда здесь не было моего стола, и говорил: отступись, Вера. Я тогда ответила ему про дом и про то, что не могу, а он сказал: тогда мастерскую закроют. Я сказала: это угроза. Он сказал: это не моя угроза. Утром он стоял у стенда с проектом сноса, в костюме, и показывал инвесторам наш дом разрезанным на кварталы, и я ушла с практики, не забрав даже тёплый свитер. Свитер потом прислали по почте. Я до сих пор не знала, кто.

Пузырь осел полностью. Я зафиксировала фрагмент и выдохнула.

- Вы закончили? - спросил Марк.
- На сегодня да.

- Тогда у меня один вопрос по документам. Городская программа зимних грантов. Ваша заявка на просветительские занятия.

- Отказ, - сказала я. - Дина звонила утром. Сказали, что фонд не подтвердил своё участие, а без подтверждения владельца дом не может быть заявителем.

- Когда отказ?
- Сегодня утром.
- Я посмотрю, - сказал Марк. - Это по моей части.

Я пожала плечами. Городские гранты - это была не его часть и не моя, это была часть бумажной войны, в которой мы оба не умели воевать красиво. Вечером я про неё забыла, потому что вечером пришёл ответ: заявка возвращена на доработку, отказ аннулирован, подтверждение владельца приложено. Подтверждение было подписано фондом. Дина принесла бумагу и смотрела на меня большими глазами.

- Он это сделал? - спросила она.
- Он так сказал.

- Вера. Человек, который пришёл нас закрывать, с утра спасает нашу заявку. Что это значит?

- Это значит, что люди сложнее, чем мы про них думаем, - сказала я. - И что нам это ничего не гарантирует.

Вечером я сидела в кабинете и смотрела на свой блокнот. Галочка и вопрос: задвижка. Галочка и вопрос: третья ступень. Галочка: подрезанный шприц. Внизу страницы я написала одно слово - проверить. Я не знала, что именно я собираюсь проверять, и это меня злило: я всю жизнь работала с предметами, у которых есть понятный состав и понятная причина порчи, а тут был человек, у которого причина порчи была неизвестна.

Перед уходом я заглянула к Аркадию Ильичу. Он сидел над описью второго этажа, в очках на цепочке, и лампа у него была та самая, старая, с зелёным абажуром.

- Аркадий Ильич, - сказала я. - А кто покупал дом? В декабре восемнадцатого года. Вы же тогда уже здесь работали.

- Я здесь с восьмидесятого года работаю, - сказал он, не поднимая головы. - Покупали не при мне. Покупали по бумагам. Знаю только, что покупатель был частный и попросил его имени не поминать.

- И вы не знаете, кто это?

- Вера, - сказал Аркадий Ильич. - Я хранитель. Моё дело - знать, что в доме, а не кто за домом. Но если тебе это зачем-то нужно, спроси себя честно: что ты хочешь найти. Иногда ответ хуже вопроса.

Я пошла домой через двор, под липами, и дождь кончился, и воздух был тот самый, октябрьский, когда пахнет мокрой корой и чем-то сладким, чему уже не цветы. Дерево у ворот

стояло тёмное и огромное, и я положила на него ладонь, как клала в юности, и сказала себе, что завтра спрошу у Марка про задвижку прямо. В лоб. И посмотрю, как он будет выкручиваться.

Глава 5. Цифры

Я разложил на столе три папки: доходы, расходы, долги. Утро среды для этого подходило лучше всего, потому что в среду фонд присылал выписки, и цифры были свежие. Папки были разные по толщине, и соотношение их толщин говорило мне то же, что говорят все долги на свете: дом этот жил не по средствам, и средств этих не было никогда.

Фонд "Липа" получал в год четыре миллиона спонсорских и полтора миллиона собственных программ: билеты, аренда склада, практика. Тратил шесть. Разницу восемь лет закрывали из двух источников: спонсорский пакет "Северного банка" и переводы учредителя. В прошлом году банк вышел из пакета вежливым письмом о пересмотре стратегии. Переводы учредителя остались. Я знаю, что остались, потому что учредитель - это я.

Дальше шёл сентябрь: трубы. Двести шестьдесят тысяч сверх сметы, потому что в сентябре всё дорожает, кроме совести подрядчиков. Резерв фонда после труб показывал дно. К январю нечем платить за тепло. К марту - персоналу. К лету дом пришлось бы закрыть и так, без всяких аудитов.

Я свёл таблицу до конца и откинулся на стул. В цифрах была одна странность, которую я отметил ещё на прошлой неделе и всё не решался прожить до конца: дом умирал не сам по себе. Дом умирал ровно в тот момент, когда из него ушла Вера. Не она сама - её имя из смет. Семь лет она держала этот дом на ручном управлении, на бесплатных субботниках, на заявках, которые писала по ночам, и на упрямстве, которое, судя по папке, стоило дешевле всего, а давало больше всего. Я читал её сметы как романы: в них было всё - и характер, и почерк, и злость на подрядчика в октябре позапрошлого года, когда он посмел взять за доски на треть дороже.

В одиннадцать я поехал на встречу с Германом Ветровым.

Ветров был человеком аккуратным, каким и положено быть человеку, который продаёт отели. Мы встретились в ресторане при его будущем офисе - сеть уже сняла площадку через улицу, чтобы было куда поставить флаг. Ветров был вежлив, загорел не по сезону и говорил цифрами, что мне в людях нравится.

- Марк Александрович, - сказал он. - Мы договорились о предмете. Комплекс целиком, земля, флигель, дом. Срок - конец ноября, дальше у нас своя стройка. Что вас задерживает?

- Аудит. Устав фонда требует независимую оценку перед отчуждением.

- Оценка можно ускорить. У нас свои оценщики.

- Свои оценщики - это не независимая оценка, - сказал я.

- Это быстрая оценка, - сказал Ветров. - Совет уже всё согласовал. Двадцать девятого числа. Вы были на связи?

- Я был на связи.

- Тогда зачем вам три недели на музей, который мы всё равно покупаем?

- Затем, что в уставе написано: оценка независимая, и она включает оценку использования. Я должен увидеть дом в работе.

Ветров посмотрел на меня так, как смотрят на человека, который тратит чужие деньги на чужие чувства. Смотрел он при этом без злости, что тоже мне в нём нравилось.

- Хорошо, - сказал он. - Три недели. Но вы понимаете, что это формальность.

- Я понимаю, что это устав, - сказал я.

- Уставы пишут люди, которые умеют ждать, - сказал Ветров. - А сети ждать не умеют. Мы построили четырнадцать объектов, и все они стоят на земле, которую кто-то когда-то не хотел отдавать. Через месяц у вас будет чек, у музея - новый адрес, а у города - четыре звезды на фасаде. Все в плюсе.

- Кроме дома, - сказал я.

- Дом переедет, - сказал Ветров. - Дома не обижаются.

Я вернулся в дом к двум, к открытой экскурсии, и это была моя третья папка на сегодня - папка, которую я не раскладывал на столе, но носил с собой. Экскурсию вела Вера. Группа была школьная, человек двадцать, из тех, что в музеях ведут себя как вода в решете: их не удержать, но можно напавить.

Она направляла. Я стоял в углу Синего зала и смотрел, как она рассказывает про синий цвет - не про пигмент, а про то, почему хозяин дома заказал именно синий: потому что синий в те годы был цветом верности, а дом строили для жены, которая ждала мужа из моря семь лет. Она рассказывала это так, что дети перестали ёрзать, а один мальчик спросил, дождалась ли жена, и Вера сказала: спросим у дома, и повела их к окну, из которого было видно море, если встать правильно. Все встали правильно. Никто не научил их вставать правильно, кроме неё.

Потом она дала им задание: найти в зале одну вещь, которая здесь чужая, и сказать, почему. Дети рассыпались по залу, как рассыпается всё живое, когда ему дают волю. Одна девочка подошла к панно над камином и спросила, почему солнышко закопчённое. Вера присела рядом с ней на корточки и что-то ответила, и девочка кивнула серьёзно, как кивают люди, которым доверили тайну.

Я вышел из зала раньше, чем она меня заметила. В коридоре я достал телефон. Пропущенный звонок от члена совета был один, и я знал, что он там один, потому что звонят мне всегда по одному разу: один раз - напоминание, два раза - вопрос, три раза - решение за меня.

Я перезвонил.

- Марк, - сказал голос. - Ты тянешь.

- Я смотрю.

- Смотреть будешь после сделки. Двадцать девятого всё согласовали. Ветров ждёт.

- Ветров подождёт до конца месяца. Устав.

- Устав, - сказал голос. - Устав - это бумага. А долг фонда - это деньги. Ты понимаешь, что если сделка сорвётся, долг ляжет на обеспечение. Ты понимаешь, чьё это обеспечение.

- Я понимаю, - сказал я. - Поэтому и смотрю.

Я положил трубку и пошёл обратно в Синий зал, где Вера собирала детей в круг и где девочка с панно рассказывала всем, что солнышко не закопчённое, а спящее, и что его разбудят. Вера слушала её с тем самым выражением, с которым реставраторы слушают вещи: не соглашаясь и не споря, а вникая.

Вечером я написал в совет письмо. Письмо было короткое: прошу согласовать дому испытательный срок три недели; критерии - посещаемость, заявки, внебюджетные поступления; по итогам срока готов подписать заключение любой стороны. Внизу я добавил строку, которую не добавлял в письма восемь лет, потому что она была личной: обязуюсь лично. Личные обязательства в деловых письмах не пишут. Я написал.

Отправив письмо, я сидел в пустом кабинете и думал, что делаю то, что умею лучше всего: покупаю время. Проблема была в том, что время - единственный товар, за который я всегда платил своими деньгами.

Глава 6. Липа во дворе

Двор у дома был маленький: брусчатка, две скамейки, фонарь и липа у ворот, из-за которой, говорят, дом и называли "домом под липами", хотя лип во дворе росло три, а название прилипло к одной. Опись двора я затеял сам, в субботу, потому что в документах двор значился как "придомовая территория" и никак иначе, и мне хотелось, чтобы у него появились свои строки.

Вера вышла к девяти, в старой куртке и с планшетом. Мы шли вдоль стены, она называла, я записывал: фонарь, кованный, послевоенный; скамья левая, доска заменена в две тысячи двадцатом; скамья правая, родная. Писал я медленно, потому что писал не только строки.

- Липа у ворот, - сказала Вера. - Молодая. Лет восемь.

- Не такая уж молодая, - сказал я. - Выросла уже.

Она повернула голову. Медленно, как поворачивают голову, когда слышали лишнее.

- Выросла, - повторила она. - А вы знаете, когда её сажали?

- В отчёте написано: посадки последних лет.

- В отчёте, - сказала Вера. - Идите дальше, Марк Александрович. Следующая строка - люк инженерных сетей.

Я записал люк. День был холодный и светлый, из тех, что бывают в октябре раз в неделю и достаются тем, кто встал рано. Мы прошли двор по кругу, потом ещё по кругу, потому что Вера заметила, что фонарь я описал не по форме, а по назначению, и пришлось переписывать. Работать с ней было странно: восемь лет назад я носил за ней ящик с инструментом и думал, что знаю её, а теперь записывал за ней строки описи и думал, что не знал её никогда.

В полдень мы устроили перерыв на скамейке, и я достал термос, который купил утром на рынке, потому что не знал, есть ли в доме чай на двоих. Вера посмотрела на термос как на предмет, который не вписывается в опись.

- У вас всё по плану? - спросила она.

- По списку. План - это для тех, кто не знает, что будет. Список - для тех, кто знает.

- И что у вас в списке после описи двора?

Я хотел сказать: честный разговор. В списке он был третьим пунктом, после двора и обеда, и шёл под номером, потому что вещи без номеров я переносу плохо.

- Разговор, - сказал я. - Если ты не против.

- Смотря о чём.

- О том, почему я ушёл.

Вера молчала так долго, что я успел налить чай в крышку и поставить крышку на скамейку между нами. Потом она взяла крышку.

- Рассказывайте, - сказала она.

Я смотрел на липу. У неё были голые ветки и крепкий ствол, и я помнил её другой: в полметра, с комлем, обёрнутым мешковиной. Восемь лет назад был такой же холодный вечер. Мы сажали её вдвоём: она держала ствол, я подсыпал землю, потом поменялись. Она сказала: теперь у дома есть своё дерево. Я сказал: теперь у нас есть своё место. Это была та самая осень, когда я ещё думал, что люди говорят такие слова навсегда.

А через неделю я пришёл к ней в дом, в тот самый простенок на втором этаже. Пришёл поздно, без звонка, и сказал то, что велели передать: отступись от дома, Вера, иначе мастерскую Аркадия закроют. У мастерской был учредитель, у учредителя - подряды, у подрядов - один общий заказчик, и заказчик этот решил, что студенты с петициями мешают продаже. Мне было двадцать восемь, я работал в этой компании третий год и знал механику изнутри: закроют не сразу, закроют документами, так что комар носа не подточит. Я сказал ей всё как есть. Я думал, что это честно.

Она слушала и молчала, и молчание у неё было такое, каким молчат люди, когда внутри у них что-то кладут на место. Потом она сказала: это угроза. Я сказал: это не моя угроза. Она сказала: а чьи слова ты мне сейчас принёс? Я не ответил. Слова были не мои, но рот был мой.

Утром я стоял у стенда с проектом. Проект был мой: я его собирал, я его считал, я его подавал, потому что в компании подавал тот, кто считал. Я мог не подавать, и тогда подавал бы другой, и стенд был бы тот же, а проект был бы уже не в моих руках, и я уговорил себя, что это что-то значит. Вера пришла в зал с группой, увидела меня у стенда и ушла, не дослушав. Я смотрел, как она уходит, и думал, что надо догнать и объяснить, что это не я, и понимал, что это я.

Всё это было в том октябре. Я рассказал Вере примерно треть. Треть была правдой, остальное было тем, что я сделал потом, и про это я рассказать не мог, потому что правда про потом звучала как покупка: я купил дом, чтобы снос отменили, и купил его на деньги, которых мне хватило на одну жизнь, потому что наследство деда было именно таким. Я мог сказать это Вере. Я молчал, потому что боялся, что она услышит не спасение, а цену.

- Вот и всё, - сказал я. - Я ушёл, потому что иначе закрыли бы мастерскую Аркадия Ильича. Это была не моя угроза, но мой выбор: я выбрал, что вы не будете воевать с тем, чего не победите.

- А мне спросить было нельзя? - сказала Вера.

Я молчал. Это был правильный вопрос, и на него не было правильного ответа.

- Нельзя, - сказала она сама. - Потому что вы уже всё решили. Вы всегда всё решаете, Марк. В этом и есть вся ваша правда.

Она встала. Термос остался на скамейке, и крышка от него стояла между нами, маленькая, как гильза, и я почему-то подумал про крышку, а не про то, о чём следовало думать.

- Спасибо за чай, - сказала Вера. - В списке он у вас был?

- Был.

- Вычитите.

Она пошла к дому, и у двери остановилась, не оборачиваясь.

- И последнее, - сказала она. - Если вы знаете дом по отчёту, почему вы никогда не путаете, где у нас сквозняк?

Дверь за ней закрылась. Я сидел на скамейке с термосом и думал, что в списке на сегодня у меня было три пункта, и три пункта я выполнил, и почему-то это не выглядело как победа.

Вечером я пошёл в Синий зал, проверить температуру, потому что проверки температуры были теперь моим личным делом, которое я не записывал в отчёты. Вера была там. Она стояла у панно и смотрела на пробный квадрат, и синий в вечернем свете был такой, каким бывает только синий, который пережил всех.

- Вера, - сказал я.

- Температура в норме, - сказала она, не оборачиваясь. - Можете записать.

Я записал.

Глава 7. Защита

К вторнику у меня было всё, что может быть у человека, который защищается бумагой: цифры, графики, письма и программа, распечатанная в трёх экземплярах, потому что важных людей всегда на одного больше, чем экземпляров. Дина сидела на кассе и держала дом. Аркадий Ильич сидел в Синем зале и делал вид, что его дело сторона, хотя стул для комиссии он проверил лично и один раз переставил.

Комиссия пришла в двенадцать. Я ждала Марка и, наверное, кого-то из фонда, но пришли трое: Марк, человек из фонда с папкой, которого я раньше не видела, и мужчина в хорошем пальто, которого я видела впервые и который улыбался так, как улыбаются люди, привыкшие покупать.

- Вера Арсеньева, руководитель работ, - сказал Марк. - Герман Ветров, сеть "Балтика Гранд".

Я услышала, как у меня внутри аккуратно встала на место одна деталь, которой не хватало. Сеть. Не инвестор, не партнёр - сеть. Сети не приходят в дома, сети приходят на места. Я поздоровалась и разложила папку.

- У меня двадцать минут, - сказала я. - Дому хватит и пятнадцати.

Я начала с цифр, потому что цифры - это то, против чего трудно спорить, даже если очень хочется. Три тысячи посетителей за сезон, из них четыреста - школьные группы. Двадцать шесть зимних заявок. Договор с училищем. Практика. Аренда склада, которая кормит дом на восемь процентов бюджета, и это много, потому что подвал - это просто подвал, и если подвал кормит, то что говорить про зал.

- Смета зимней программы, - сказала я. - Она сверстана в ноль. Мы не просим денег, мы просим дом. Дом сам себя окупает, если ему не мешать.

Человек из фонда листал папку и кивал. Ветров не листал: он смотрел на зал, на потолок, на окно, и взгляд у него был тот самый, каким смотрят на помещение, прикидывая, куда встанет стойка ресепшн.

- Скажите, Вера, - сказал он. - Флигель во дворе. Он используется?

- Флигель законсервирован. Он аварийный, и на его восстановление нужна смета, которой у музея нет.

- А земля под флигелем?

- Земля под флигелем - это земля дома.

- Земля, - сказал Ветров, - это земля. У неё есть кадастровая стоимость, и она не зависит от того, что на ней стоит. Вы это понимаете?

- Я понимаю, что дом стоит на этой земле сто лет, - сказала я. - А кадастровая стоимость стоит на ней с позапрошлого года.

Марк посмотрел на меня. В его взгляде было что-то такое, чего я не разобрала: не одобрение и не тревога, а что-то третье, чему я пока не подобрала названия.

Я закончила программой: зимний цикл лекций, рождественские мастер-классы для младших, февральская выставка "Синий дом", которую я вынашивала два года и на которую уже согласились три частных коллекции. Я говорила это всё и видела, как человек из фонда пишет в блокноте, и писала его ручка хорошо, с интересом, и я позволила себе надежду, потому что надежда - это единственное, что у реставратора всегда под рукой.

Когда вопросы кончились, Ветров встал и застегнул пальто. На выходе он задержался у кассы и сказал мне негромко:

- У вас хороший дом. Жаль, что хорошие дома плохо сходятся в смете.

- А вы проверьте нашу смету, - сказала я. - Она сходится.

Он помедлил и добавил тише:

- И запомните: ваш покровитель держал эту землю восемь лет вопреки здравому смыслу. Подумайте об этом, прежде чем защищать дом в следующий раз.

После комиссии в кабинете остались я, Марк и человек из фонда, который собирал папку. Человек из фонда ушёл первым, Дина забрала чашки, и мы остались вдвоём.

- Ну? - сказала я.

- Ну, - сказал Марк.

- Это всё, что у вас есть по итогам защиты?

- Вера. Защита была сильная.

- Мне не нужна оценка моей защиты. Мне нужен ответ: что дальше.

Он сел на край стола, как садятся люди, которым надо сказать что-то, для чего стульев не придумали.

- Дальше будет заключение. Я пишу его до конца месяца. Мне нужно время.

- Время, - сказала я. - Все просят время. А дом между тем живёт по календарю, а не по времени. У нас декабрьские группы, у нас январская аренда, у нас люди на контрактах.

- Я знаю про контракты.

- Тогда почему я слышу про время?

- Потому что время - это всё, что я могу тебе дать, - сказал он. - И я даю его тебе полностью.

Мы смотрели друг на друга поверх стола, и в кабинете тикали часы, и я думала, что человек напротив меня говорит правду - ту правду, которую он может говорить, и что между этой правдой и всей правдой лежит расстояние, которое я научилась чувствовать кожей. Он чего-то не договаривал. Не лгал - не договаривал, и это было хуже лжи, потому что ложь хотя бы можно поймать за хвост.

- Ладно, - сказала я. - Конец месяца. Но Марк: если в конце месяца я узнаю, что время вы просили не для дома, а для сделки, я этого не забуду.

- Я знаю, - сказал он.

Он ушёл, а я осталась с папкой и с ощущением, что защита прошла хорошо, а выиграна ли война - неизвестно, и что война эта, кажется, давно уже не про дом.

Вечером пришла Дина с новой пачкой бумаг.

- Фонд прислал пакет для сверки, - сказала она. - Сказали, что по уставу независимая оценка включает сверку с учётом. Я половину не понимаю, но там всё аккуратно.

- Дай сюда.

Пакет был толстый: выписки, счета, реестры. Я села с ним в кабинете и провалилась в цифры до темноты. Цифры были странные. Дом тратил шесть миллионов в год, а собирал от силы пять - это я знала. Но в выписке фонда, в графе расходов, восемь лет подряд стояла одна и та же строка: "целевой перевод учредителя". Переводы шли каждый месяц, ровные, как линейка, и в плохие годы больше, чем в хорошие. Дом держался не на спонсорах и не на билетах. Дом держался на ком-то, кто восемь лет платил за него из своего кармана и даже не подписался.

Я сидела над выпиской и вспоминала, как Ветров сказал мне после защиты: "Ваш покровитель держал эту землю восемь лет вопреки здравому смыслу". Я тогда не спросила, кого он имеет в виду, потому что не привыкла спрашивать про покровителей. Теперь я думала, что спросить стоило.

Перед тем как закрыть пакет, я перевернула последний лист. На обороте была служебная пометка, мелко, карандашом: "выписку реестра см. в деле учредителя". Пометка была не для меня. Пометка была для того, кто собирал папку, и тот, кто собирал папку, её не увидел. А я увидела.

Я положила лист обратно и закрыла папку. До конца месяца оставалось одиннадцать дней.

Глава 8. Резное солнце

В четверг мы договорились про солнце. Солнцем я называла панно над камином - резную липовую доску в половину стены, с лучами, с домиком в центре и с копотью двух столетий на лице. Копоть эту я сняла на треть к октябрю, и теперь было видно, что резьба живая: дерево под ней тёплое, мягкое, с тем самым балтийским характером, который не поддаётся ни жучку, ни времени, если его не обижать.

Марк пришёл в шесть, после закрытия, как мы и договаривались. Работать вдвоём над одним панно - это не работа, это отдельный вид разговора, и я позвала его не потому, что мне были нужны руки. Руки у меня свои. Я позвала его, потому что после разговора на скамейке между нами что-то висело, а висевшие вещи я всегда предпочитаю снимать и раскладывать по местам.

- Перчатки, - сказала я. - Валик на нижнем крае ваш. Я иду по лучам.

- Куда смотреть?

- На волокно. Если волокно поднимается - стоп. Мы не скоблим, мы раскрываем.

Мы встали по краям доски. Я подала ему раствор, показала движение: коротко, по кругу, без нажима. Он взял тампон так, как берут инструмент в первый раз, и так, как берут его в сотый, - я видела оба этих способа в одном жесте, и от этого мне стало не по себе в хорошем смысле этого слова.

Первые десять минут мы работали молча. Потом он сказал:

- Дерево тёплое.

- Липа. Липа всегда тёплая. Её поэтому и брали на резьбу: она не капризничает.

- А почему солнце?

- Потому что дом стоял у воды, и хозяин хотел, чтобы в зале было своё солнце, когда снаружи туман. Это моя рабочая гипотеза. Документов нет.

- Красивая гипотеза.

- У меня все красивые, - сказала я. - Документов нет ни к одной.

Мы засмеялись оба, и смех вышел тот самый, общий, который бывает у людей, работающих над одной вещью, и который я с ним помнила: мы так смеялись в ту осень, когда он уронил ящик с инструментом в лужу и мы сушили кисти феном из столовой. Смех этот был коротким, но он случился, и я записала его про себя туда, куда записывают вещи, которые нельзя терять.

К восьми мы прошли половину доски. Из-под копоты выходило золото: не сусальное, а скромное, потёртое, которое кладут туда, где его будут видеть свои. Лучи оказались длиннее, чем я думала, и один луч шёл не как все: он уходил в угол доски и там обрывался, на полсантиметра раньше края.

- Странно, - сказала я. - Луч не доходит до края.

- Может, обрезали при монтаже?

- Резьбу не обрезают при монтаже, - сказала я. - Резьбу обходят. Смотри.

Я посветила в угол. Луч упирался в вертикальный шов - тонкий, ровный, не от времени, а от пилы. Такие швы я знаю: это шов, которым доску когда-то распускали и потом ставили обратно, и ставил его человек, который умел работать с деревом и не хотел, чтобы шов было видно.

- Обшивка здесь моложе доски, - сказала я. - И шов сделан аккуратно, после войны, я бы сказала, в пятидесятых. Под обшивкой пустота. Я слушала летом: пустота.

- Ниша?

- Ниша, - сказала я. - Её зашили. Кто-то очень аккуратно и очень давно.

Мы стояли рядом и смотрели на шов, и расстояние между нами было такое, в котором можно протянуть руку и не протянуть, и оба варианта были бы решением. Я первая протянула руку: нажала на край доски, и доска подавалась на миллиметр.

У Марка зазвонил телефон. Он посмотрел на экран, и лицо у него стало таким, каким становится лицо у людей, когда звонят не вовремя и по делу.

- Правление, - сказал он. - Я должен ответить. Две минуты.

Он вышел в коридор. Я осталась у доски одна, с ладонью на краю, и слушала, как в коридоре его голос идёт ровно и негромко, и думала о том, что правление звонит ему по вечерам и что у меня в пакете лежит выписка с переводами учредителя, и что два этих факта лежат рядом, как два обломка одной вещи, и вещь эту я пока не решаюсь поднять.

Он вернулся через пять минут.

- Плохие новости? - спросила я.

- Рабочие, - сказал он. - Давай завтра продолжим.

- Давай, - сказала я. - Но сначала сядем на пять минут. Я сегодня хочу спросить не про дом.

Мы сели на пол, у камина, как садятся люди после работы: спина к стене, ноги вперёд, плечо почти рядом. Я смотрела на доску напротив и думала, что сейчас скажу, и что сказать это будет нельзя обратно, и что в моей жизни было мало вещей, которых нельзя сказать обратно.

- Мне было девять, - сказала я, - когда я разбила вазу у бабушки. Ваза была ничего не стоящая, но бабушка сказала: это не ваза, это память, и я поверила, потому что в девять лет взрослые всегда говорят про память правду. Я склеила вазу сама. Клеем для бумаги. Она развалилась через день, но бабушка поставила её на полку и держала там тридцать лет. Я тогда поняла, что склеенное ценнее целого, потому что склеенное - это чьё-то усилие. С тех пор я этим и занимаюсь.

Марк молчал. Потом сказал:

- А я в восемь лет чинил часы. Дедовские. Разобрал до винтика и собрал, и они пошли, и дед потом говорил, что это я их завёл, хотя завод там был на три дня. Деда нет давно. Часы идут. Я до сих пор не понимаю, как.

- Иногда вещь идёт, потому что ей дали второй шанс, - сказала я. - Механика тут ни при чём.

Он повернул голову. Мы сидели на полу, в пустом зале, в свете одной дежурной лампы, и синий вокруг был тот самый синий, который пережил всех, и я подумала, что вот она, вещь, которую нельзя сказать обратно, и что я всё-таки её скажу.

- Марк, - сказала я. - Я тебе верю. Не про всё и не до конца. Но верю. И я хочу доработать этот месяц с тобой, а не против тебя. У меня одно условие: в конце месяца ты расскажешь мне всё. Не треть. Всё.

- В конце месяца, - сказал он.

- Поклянись, чем хочешь.

- Клянусь домом, - сказал он. - Это единственное, чем я умею клясться.

Он поцеловал меня сам, или я поцеловала его сама, или мы сделали это вместе, как делают вдвоём работу, которую долго откладывали: без плана и по плану. Губы у него были холодные с улицы и тёплые через секунду, и рука его лежала у меня на затылке, и я подумала, что восемь лет - это не срок и не дистанция, а просто лишние восемь лет, и что время - плохой реставратор, потому что время ничего не чинит, а только ждёт, когда починят люди.

Потом мы сидели на полу ещё долго и говорили про доски и про смету флигеля, и про то, что декабрьские группы уже не отменить, и про то, что солнце надо закончить до заморозков. Он ушёл в одиннадцать. В дверях он обернулся.

- Спасибо, что позвала на солнце.

Дверь закрылась. Я прошла по залу, проверила окна и термометры, подошла к нише и провела ногтем по шву. Девять дней, сказала я шву. Девять дней, и мы узнаем, что вы тут прячете, и я узнаю, что прячет он. Я умела ждать: у меня вся профессия была про то, как ждать, пока вещь даст себя открыть.

Глава 9. Подпись

Субботу я провёл как человек, у которого в списке на день один пункт, и пункт этот - не отменить. В шесть мы снова стояли у солнца. В восемь закончили последний луч. В девять Вера сняла перчатки и сказала:

- Пойдём ко мне. Здесь уже нечего раскрывать.

У неё была квартира в старом доме за мостом, с потолками под три метра и окном на канал. Комната была одна, и в ней было мало вещей: стол, кровать, шкаф и полка, на которой стояли банки с пигментами и две фотографии - дом до реставрации и дом после лесов. Я заметил, что третьей фотографии в комнате нет, и подумал, что это правильно: мы оба пришли сюда без багажа.

Чай был горячий, разговор короткий, и я запомнил этот вечер так, как запоминают вещи, которые потом часто достаёшь: свет на канале, её голос, то, как она поставила обе кружки в раковину и сказала, что посуду мыть не будет, потому что сегодня не про посуду. Дальше вечер пошёл так, как идут вещи, которых ждали восемь лет: без плана, без слов поперёд действий, и я не буду рассказывать про него подробно, потому что некоторые вещи не для отчётов. Лампа над столом погасла последней, и я успел подумать, что в моей жизни было много правильных решений, а правильных вечеров - мало, и вот этот был из вторых.

Утром я встал раньше неё. Это старая привычка: вставать раньше всех и садиться за бумаги, пока дом спит. У меня с собой была рабочая папка - та самая, с протоколами, потому что в понедельник совет, и к совету я готовил один документ, который хотел дочитать. Я сел за кухонный стол, разложил листы и налил себе остывшего чая.

За окном было серое утро, канал лежал неподвижный, и где-то за мостом кричали чайки. Я читал сводку по долгам фонда и думал о том, что скажу совету. Сказать я хотел простое: три недели дали результат, заявки есть, программа есть, продажа - это не решение, а отказ от решения. Совет мне не поверит, потому что советы верят цифрам, а цифры были против меня. Но я решил попробовать, потому что однажды я уже не попробовал, и мне хватило.

Вера вышла к восьми, в моей рубашке поверх своего, с растрёпанными волосами, и вид у неё был такой, каким бывает вид у людей, которые проснулись там, где хотели просыпаться. Она сказала "доброе утро" и пошла к шкафу за рабочим баулом: понедельник начинался с упаковки, она готовила материалы для проклейки фрагмента.

- Скотч у тебя есть? - спросила она.

- В папке, - сказал я. - Сбоку, в кармане.

Папка лежала на столе открытая. Вера подошла, потянулась через стол за скотчем, и в этот момент её рукав зацепил край стопки. Листы поехали по столу и легли на пол веером, и мы оба нагнулись их собирать. Я собирал с одной стороны, она с другой, и первыми к ней в руку легли два верхних листа: выписка из реестра фонда и парафированная копия договора.

Я понял это по её рукам. Руки у неё остановились так, как останавливаются руки человека, который увидел то, чего не должно быть, и теперь решает, видел он это или нет.

- Вера, - сказал я.

Она не ответила. Она читала выписку. Я видел её со своего края стола и знал каждое слово на этом листе, потому что сам подписывал его восемь лет назад, в тихой конторе управляющей компании: "Фонд содействия сохранению объектов культурного наследия "Липа". Учредитель: Волков Марк Александрович". Ниже шли полномочия, сроки и строка о том, что учредитель является единственным лицом, имеющим право... Я не помню, какая там была строка. Я помню, как Вера подняла на меня глаза.

Второй лист лежал у неё на коленях. Договор купли-продажи объекта недвижимости. Покупатель - сеть отелей "Балтика Гранд". Продавец - фонд "Липа". В правом верхнем углу

стояли парафы: Ветров и мои инициалы. Договор был не подписан - парафирован, это разные вещи, и я мог бы ей это объяснить. Я понимал, что объяснять это надо было вчера.

- Ты купил этот дом? - спросила она.

Голос у неё был ровный. Слишком ровный. Так разговаривают люди, которые уже приняли решение и дают тебе последний шанс сказать что-то, что его изменит.

- Купил, - сказал я. - Восемь лет назад.

- Фонд - твой.

- Да.

- Деньги, на которые жил дом, - твои.

- Да.

Она положила листы на стол, аккуратно, один на другой, и движения её были такие спокойные, что мне стало страшно. Я видел её в ярости один раз в жизни, восемь лет назад, и ярость у неё была громкая и честная. Это спокойствие было другое. Это было спокойствие описи: человек внутри неё что-то описывал, и опись была окончательной.

- Я всё объясню, - сказал я. - В понедельник, после совета. Я объясню тебе всё, Вера, - почему купил, почему молчал, что скажу совету. Дай мне три дня.

- Три дня, - сказала она.

- Три дня. Я приду к тебе после совета и расскажу всё без остатка.

Она кивнула. Потом собрала свои вещи: баул, куртку, ключи. Скотч она так и не взяла. Я встал, чтобы сказать ещё что-нибудь - что угодно, что остановило бы её на пороге, - и не сказал, потому что слов, которые останавливают людей на пороге, не существует. Люди останавливаются сами или не останавливаются вовсе.

- Вера, - сказал я.

Она уже открыла дверь.

- Знаешь, что плохо, Марк? - сказала она. - Не то, что ты купил дом. И даже не то, что ты молчал. А то, что я тебе поверила. Впервые за восемь лет. А ты снова всё решил без меня.

Дверь закрылась тихо. Я стоял посреди кухни, среди чужого утра и остывшего чая, и думал, что восемь лет платил за этот дом деньгами, а сегодня он потребовал другой валюты, и валюта эта была у меня только одна.

В понедельник может не быть того, кому объяснять. Я понял это стоя, у стола, и понял хорошо: в понедельник у меня будет один выстрел, и стрелять придётся правдой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.